

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ МЕТАФИЗИКИ

А. В. БАРКОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Определено, что понятие «метафизика» имеет ряд исторических интерпретаций в европейской философии, что вызвало интерес к рассмотрению данного феномена в восточном этнокультурном пространстве. Осуществлена попытка выявить предпочтения и специфику метафизических концепций культур Греции, Китая, Индии и России. Выяснено, что категориальный аппарат метафизики характеризуется как кросс-культурной универсальностью, так и чертами, свойственными только конкретному этносу.

Ключевые слова: метафизика; мудрость; абсолют; Бог; брахман; атман; шуньята; дао; культура.

CROSS-CULTURAL CONTEXTS OF METAPHYSICS

A. V. BARKOVSKAJA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. It is determined that the concept «metaphysics» has a number of historical interpretations in European philosophy which caused interest in the consideration of this phenomenon in the Eastern ethno-cultural space. An attempt to identify the preferences and specificity of metaphysical concepts of the cultures of Greece, China, India and Russia has been made. It was found out that the categorical apparatus of metaphysics is characterised by both cross-cultural universality and features peculiar only to a particular ethnos.

Keywords: metaphysics; wisdom; absolute; God; brahman; atman; shunyata; tao; culture.

Введение

Дискуссии об исчерпанности ресурсов метафизики, их неадекватности эмпирическим данным в силу привилегированного статуса теоретического разума в классический период, формах репрезентации метафизики в постклассическую эпоху и позициях ее критиков свидетельствуют об актуальности данной темы. Активное обсуждение содержания метафизики дает ей возможность быть востребованной в решении проблем современности. Любые ответы на фундаментальные вопросы бытия обнаруживают метафизическое присутствие данных вопросов в философском

дискурсе, так как «...мы всегда живем внутри метафизики, осознаем мы это или нет. Если мы говорим, что избегаем метафизику, на самом деле мы лишь соглашаемся на случайный метафизический бэкграунд, доставшийся нам от предыдущих поколений»¹. В этом контексте возникает сомнение в возможности устранения метафизических следов из постсовременности. Позитивная сторона критики заключается в том, что чем ее больше, тем длиннее «жизнь» самой метафизики. Любая концептуальная инверсия данного феномена не позволяет забывать о нем.

¹Харман Г. Мы живем внутри метафизики // Нож : электрон. журн. 2016. 18 апр. URL: <https://knife.media/graham-harman/?ysclid=m5хрqibght796297545> (дата обращения: 24.10.2024).

Образец цитирования:

Барковская А. В. Кросс-культурные контексты метафизики. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2025;1:16–19.
EDN: ULUVEL

For citation:

Barkovskaja AV. Cross-cultural contexts of metaphysics. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2025;1:16–19. Russian.
EDN: ULUVEL

Автор:

Алла Викторовна Барковская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Alla V. Barkovskaja, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
barkovskaja2@gmail.com

Основная часть

Понятие «метафизика» закрепилось как синоним термина «первая философия» (*prima philosophia*) и маркер классической философской традиции. Аристотель по праву считал метафизику учением о божественном, а про олицетворяющего ее мудреца говорил следующее: «...насколько это возможно, знает все, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности. ...Способен познать трудное и нелегко постижимое для человека... Более точен и более способен научить выявлению причин...» [1, с. 68]. В рамках данного учения рассматривались умопостигаемые и неизменные начала всего сущего, что впоследствии легло в основу всех наук. Таким образом, поскольку центральная проблема метафизики связана с фундаментальной структурой реальности как целого, в интеллектуальном пространстве XXI в. фигурирует мнение о том, что она носит междисциплинарный характер и, в силу своей универсальности, является необходимым фоном для любой практической дисциплины [2].

Кроме того, «первая философия» относится к ряду чистых наук, что указывает на самодостаточность предмета ее изучения. Соответственно, мудреца интересует бестелесная, не воспринимаемая чувствами сущность, ввиду того что любовь к мудрости заложена в разуме человека. Следует отметить, что мудрость, к которой устремляется разум, представляет собой «беспредпосылочное знание, знание вечных вещей, умозрительное знание причины существующего» [3, с. 620], но для его получения «нужно отвлечься всей душой ото всего становящегося» [4, с. 299]. На указанных положениях строилась античная традиция, опиравшаяся на интеллектуальное созерцание, целью которого являлось умозрительное постижение принципов и законов, способных управлять мирозданием на сверхчувственном уровне. Прерогативой метафизики стала сфера интеллектуального, средством выражения которой выступал интеллектуальный конструктивизм в форме рационального подхода Платона. В диалоге «Тимей» Платон повествует о демиурге, формирующем космос в соответствии с идеальным образцом, благодаря которому с помощью мысленной конструкции можно понять строение природы, достигнув ее рациональной познаваемости [5, с. 16–17]. В метафизическом смысле интеллектуальный конструктивизм являлся гарантом экспликации подлежащего, т. е. того, что представляет собой неизменную основу всего сущего и делает его самосущим. Э. Корет полагал, что «уже самим названием *метафизика* она обозначена как такая наука, которая не имеет дел с ограниченной, преданной опыту предметной сферой, она должна проникать через эмпирико-физическую данность к ее последним и запредельным основаниям» [6, с. 23].

В европейском сознании сформировался образ метафизики как систематической и достоверной теории, подходящей для любого типа знания, независимо от

его дисциплинарного статуса, поскольку в каждой сфере проявляются свойства целого. Иными словами, метафизика выступает всеобъемлющей и сверхопытной философской теорией, способной объяснить сущность целостного мира и содействующей достижению аутентичных знаний о нем. Представители разных стратегий постклассической философии подвергли классическую метафизику критике и ревизии за наукообразный характер, бинарность и догматизм ее положений, а главное, за то, что она претендовала на привилегированный доступ к реальности, колонизацию ее объектов и стремилась эксплицировать бесспорные истины о природе вещей, Бога и человека.

Следует обозначить, что метафизика – это заслуга не только европейской интеллектуальной традиции. О метафизичности философии восточных регионов свидетельствуют ортодоксальные и неортодоксальные даршаны индуизма, китайская школа даосизма и более поздняя русская философская традиция. В таком случае какова цель существования метафизики в этих культурах? Идентична ли она европейской? Может ли автохтонность культуры видоизменять облик метафизики и придавать ей национальные черты? Еще И. Кант говорил о том, что метафизическое познание необходимо идентифицировать по объекту, источнику и виду с целью «иметь возможность в точности определить то характерное, что отличает его от всякого другого познания и что, следовательно, составляет его особенность» [7, с. 15]. Последняя заключается в том, что источники метафизики, т. е. ее принципы и понятия, не могут быть получены эмпирическим путем [7, с. 15]. Метафизика «имеет дело собственно с априорными синтетическими положениями, и только они составляют ее цель» [7, с. 22].

Проясняя историко-культурную суть метафизики, распространенной за пределами европейских территорий, важно определить, есть ли в других языках аналоги этого понятия и насколько их смысл соответствует исходному концепту. Указанные задачи формулируются неслучайно, поскольку метафизику можно оценить с разных точек зрения (например, по европейским стандартам, с позиции «внеаходимости» М. Бахтина), чтобы как можно объективнее установить то общее и отличное, что, возможно, присутствует в их способах философствования, мыслительных процедурах и категориальных структурах. Главное, придерживаться толерантного отношения к иным культурным смыслам и практикам.

Рассмотрение взглядов китайских философов на основные темы европейской метафизики не принесло бы должных результатов, поскольку было бы упущено самое важное в кросс-культурном анализе – возникновение новых вопросов. В китайском языке нет термина, имеющего то же значение, что и понятие «метафизика». Оно было переведено с японского языка как выражение 形而上學 (*xíng ér shàng xué* «изучение того, что выше форм»), которое долгое время было

центральной категорией в китайской философии. Данное выражение было упомянуто в И Цзин: «То, что выше форм, относится к пути (道 (dào) – «дао»); то, что ниже форм, относится к орудиям (器 (qì) – «ци»)»² (перевод наш. – А. Б.).

В связи с неоднозначным толкованием изучаемого термина обстоятельный анализ произвел Р. Генон – один из наиболее влиятельных европейских философов. Он полагал, что метафизика изучает «все находящееся вне природы», а «поскольку нет лучшей замены этому термину», то необходимо пользоваться им, как и раньше [8, с. 198–199].

Что касается вопроса о метафизике в русском интеллектуальном пространстве, то он решился только в XVIII в. Метафизика не была отделена от физики и выступала в качестве служебной дисциплины. Тем не менее она оценивается как полифоничная: ее символы, аллегории и наглядные образы внедряются в категориальный аппарат в целях воздействия на читателя. В отношении формирования философской лексики отметим, что метафизика, «в силу абстрактности формулируемых ею проблем, тяготея к универсализации понятий, стремясь к выходу в некий внеисторический интеллектуальный космос» [9, с. 43]. Таким образом, если в русском языке физика – «естественница», то метафизика – «преестественница» [9, с. 44]. Последний термин демонстрирует сохранение изначального греческого смысла.

В результате понятие «метафизика» стало общепризнанным в западной и восточной культурах. Как утверждал Р. Генон, «чистая метафизика... не является ни восточной, ни западной, она универсальна», так как «существует общая основа, которая есть везде и всегда... причина этого проста и заключается в том, что истина едина» [8, с. 197]. Метафизика «должна быть самодостаточной, поскольку это единственный вид знания, который не может быть основан ни на чем ином, кроме самого себя»; она «является знанием универсальных принципов, из которых выводятся все остальные» [10, с. 112]. С данными утверждениями нельзя не согласиться, поскольку в историко-культурных типах метафизики так или иначе есть своя сфера трансценденции, абсолюта, субстанции и другие отличительные атрибуты, которые делают ее общекультурным феноменом. В то же время именно эти концепты идентифицируют метафизические системы в качестве западных или восточных. Метафизический дискурс трансформируется в зависимости от тематизации проблемного поля в том или ином культурном пространстве, что придает функционирующим в нем метафизическим концептам уникальный характер. Данные положения подтверждаются словами Г. Г. Шпета: «...философия приобретает национальный характер не в отбетах... а в самой постановке вопросов...» [11, с. 12].

Проиллюстрируем региональные особенности метафизических основ на конкретных примерах.

Так, для древних греков космос – это пронизанное гармонией, симметрией и ритмом произведение искусства, в котором полисная жизнь ориентирована на авторитет закона, а не на традиции. Для китайцев поклонение Небу как надличностному принципу мирового порядка, всеобщей необходимости и судьбе стало гарантом стабильности и порядка в их жизни, именно Небо обеспечивает соблюдение ритуальных практик. В философской традиции Индии сквозной темой являлось достижение состояния мокши, связанного с освобождением души от любых мирских привязанностей и страданий. Русская же культура сосредоточила внимание на поиске пути России, правды и смысла жизни, а также на осмыслении идей свободы, необходимости, всеединства и соборности, проблем антропологии, эсхатологии и т. д.

Исключительность региональных форм метафизики выражается и на уровне общих концептов, репрезентирующих область трансцендентного (например, понятия «брахман», «атман», «пуруша», «дао», «шуньята» и «Бог»). Их наличие обусловлено необходимостью подняться над феноменальным бытием с целью постичь каждую вещь в ее истинном значении. Такое знание, в отличие от рационального человеческого знания, является единственно истинным, абсолютным, бесконечным и высшим.

В индийской традиции Веда рассматриваются как трансцендентное и сакральное знание, а главным принципом выступает вера в верховную сущность [12]. Как отмечено в Брихадараньяка-упанишаде, высший принцип не подлежит определению: он не является тенью, светом, воздухом, пространством; у него нет привязанностей, вкуса, запаха, глаз, ушей, голоса, ума, блеска, дыхания, рта, меры; он не имеет ничего ни внутри, ни снаружи. В онтологическом дискурсе выделяют бытие как присутствие и бытие как становление, субстрат и атрибут, субстанцию и движение, время и место, что указывает на сходство категориальных структур, репрезентирующих реальность, несмотря на цели онтологий, которые выстраиваются в разных метафизиках. По Юнгу, восточная метафизика, в отличие от европейской метафизики, является скорее символической психологией. Практическая направленность буддийской психологии выражалась в том, что ее понятийный аппарат описывал всю картину мира, которая моделировала прежде всего реально воспроизводимый психокосмос.

Источником метафизической традиции для китайской философии выступает И Цзин. В Дао Дэ Цзин сказано, что только безымянное дао есть начало неба и земли, оно вечно. До появления неба и земли существовали небытие и хаос, и только имя привело к бытию и космосу. Принцип дао – это ключ к овладению вещами. Для «десяти тысяч вещей» трудно найти общее начало, они не существуют по законам единообразно управляемого мира. Существование понимается как циклический процесс, символом

²Metaphysics in Chinese philosophy // Stanford encyclopedia of philosophy : electron. encycl. / ed.: E. N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/chinese-metaphysics> (date of access: 24.10.2024).

которого становится круг без начала и конца. Колесо представляет собой образ мира, движущегося во времени, образ бытия, которое находится в беспрестанном круговращении. Такую же смысловую основу имеет буддийский образ колеса сансары.

Русской метафизике также свойственна своя интерпретация абсолюта. Она заключается в том, что Бог, будучи творящим началом, задает сферу трансценденции по отношению к своему творению. В европейской философии Бог представляет собой сверхбытие. В то же время русский философ В. С. Соловьев определял Бога как сверхсущее, поскольку бытие рассматривалось им в качестве предиката Бога как

подлинного основания бытия. Тем самым устанавливается различие между бытием и сущим. Сущее понимается как сила бытия, оно едино и одновременно множественно, непознаваемо, но познаваемо в качестве источника бытия. Таким образом, бытие выступает иным сущего, включающего в себя бытие как свою противоположность [13, с. 79–80]. В. С. Соловьев указывал, что «...мы различаем всякий предмет как *сущий*, как *мыслимый* и как *действующий*. ...Мыслимость же предмета, очевидно, принадлежит философскому умозрению, а его обнаружение или внешняя феноменальная действительность подлечит исследованию опытной науки» [14, с. 472].

Заключение

Вопрос о статусе метафизики и ее функциях в разных философских традициях требует скрупулезного методического анализа. Однако историко-философская реконструкция, представленная в настоящем исследовании, позволила выявить как кросс-культурную универсальность метафизики, так и ее черты, свойственные только конкретной нации.

Культурные традиции и способы философской рефлексии не могут не сказаться на характере метафизических учений, однако современность вносит свои коррективы. Глобализация делает их открытыми друг для друга и в определенной степени даже комплементарными. Так, в дискурсивное пространство современного Китая под влиянием урбанизации и вестернизации внедрились темы телесности, гендерных отношений, мужской объективизации и социального положения женщины в условиях строгой конфуцианской регламентации. Проводником этих

идей стала китайская литература (например, писатели Пань Сяопин и Сюй Кунь). Следует отметить, что воздействие древних ценностей на современное индийское общество и сохранение стереотипов, влияющих на политические события и межкультурные отношения, рассматривались индийским автором Шаши Тхарур при апелляции к тексту Махабхараты.

Темы, которые сегодня поднимают ученые, философы, писатели и пользователи интернета, объединившего в одну систему текст, изображение и звук, создают новое пространство интеллектуальной мысли, в которое успешно встроилась метафизика. Вопросы о реальности снова стали метафизическими, а культурные различия находятся между дивергенцией и конвергенцией. Можно сделать вывод о том, что в активно развивающихся культурах философские изыскания выступают реальным кросс-культурным полилогом, в котором есть место своему и чужому.

Библиографические ссылки

1. Аристотель. *Сочинения. Том 1*. Асмус ВФ, редактор. Москва: Мысль; 1976. Метафизика; с. 65–369.
2. Lowe EJ. *A survey of metaphysics*. Oxford: Oxford University Press; 2002. 402 с.
3. Платон. *Собрание сочинений. Том 4*. Лосев АФ, Асмус ВФ, Тахо-Годи АА, редакторы; Егунов АН, Кондратьев СП, Шейнман-Топштейн СЯ и др., переводчики. Москва: Мысль; 1994. Определения; с. 615–624.
4. Платон. *Собрание сочинений. Том 3*. Лосев АФ, Асмус ВФ, Тахо-Годи АА, редакторы; Аверинцев СС, Егунов АН, Самсонов НВ, переводчики. Москва: Мысль; 1994. Государство; с. 79–420.
5. Гайденок ПП, Петров ВВ. *Философия природы в Античности и в Средние века*. Москва: Прогресс-традиция; 2000. 608 с.
6. Корет Э. *Основы метафизики*. Терлецкий В, переводчик. Киев: Тандем; 1997. 246 с.
7. Кант И. *Основы метафизики нравственности*. Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1999. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука; с. 3–146.
8. Генон Р. Восточная метафизика. *Волшебная гора*. 1995;3:197–207.
9. Артемьева ТВ. Философский язык в России XVIII века: между физикой и метафизикой. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2002;2(2):36–45.
10. Генон Р. *Очерки о традиции и метафизике*. Быстров ВЮ, переводчик. Санкт-Петербург: Азбука; 2000. 320 с.
11. Шпет ГГ. *Сочинения*. Антонова ЕВ, редактор. Москва: Правда; 1989. Очерк развития русской философии; с. 11–342.
12. Радхакришна С. Гуманистическая система «вечной религии». В: Литман АД. *Современная индийская философия*. Москва: Мысль; 1985. с. 267–282.
13. Соловьев ВС. *Сочинения. Том 2*. Россина НВ, редактор; Котрелев НВ, Рашковский ЕБ, составители. Москва: Правда; 1989. Чтения о Богочеловечестве; с. 5–172.
14. Соловьев ВС. Критика отвлеченных начал. В: Богатов ВВ, Мамедов ШФ, редакторы и составители. *Антология мировой философии. Том 4, Философская и социологическая мысль народов СССР XIX в.* Москва: Мысль; 1972. с. 471–472.